

**КОНЦЕПТ «МУЖЧИНА» В СТУДЕНЧЕСКИХ ГРАФФИТИ:
РАЗНООБРАЗИЕ НОМИНАЦИЙ
И СОЦИУМНО СПЕЦИФИЧНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ**

Статья посвящена исследованию особенностей стиля неформального студенческого дискурса, зафиксированного в граффити. Материал исследования составляют номинации мужчины. Отправным тезисом исследования выступает тезис о редукции в современном сознании традиционных представлений о привычных «культурных предметах» и ее отражении в условиях отдельной дискурсивной практики. Выявлены наиболее разработанные в дискурсе тематические сферы концепта «мужчина», доминирующая ракурсность и маркированность его признаков. Исследование представляет интерес для лингвистики и смежных с ней научных дисциплин антропологического направления: когнитивистики, культурологии, психологии и др.

Ключевые слова: *неформальный студенческий дискурс, граффити, стиль социотворчества, ключевая лексическая парадигма.*

**“MAN” CONCEPT IN STUDENT GRAFFITI:
VARIETY OF NOMINATIONS
AND SOCIALLY SPECIFIC MARKEDNESS**

The article is devoted to the examination of the style specialities of informal student discourse, fixed in graffiti. The material of the examination is man nominations. The starting thesis of the description is a thesis about the reduction of traditional ideas about habitual “cultural subjects” in modern perception and categorisation of any concept connected with it (here the “man” concept) in conditions of separate discourse practice. The thematic spheress of the “man” concept that are the most elaborated ones in discourse, dominating perspectiveness and markedness of its features are discovered. The analysis is interesting for linguistics and adjoining scientific disciplines of anthropologic direction such as cognitivistics, culturology, psychology and so on.

Key words: *informal student discourse, graffiti, style of society creativity, key lexical paradigm.*

Современная теория дискурса нацелена на исследование специфики того или иного социумно маркированного речетворчества, общей идеи, «профиля», сосуществующих концептуальных воплощений. Специфика социотворчества связывается как с объективными особенностями социума-производителя, так и с редукцией представлений о привычных «культурных предметах», обусловленной воздействием на культурную парадигму современных общественных преобразований. Редукция традиционных представлений в условиях отдельной дискурсивной практики проявляется в социумно специфичной концептуализации наиболее интересных для социума объектов мира действительности.

В этой работе в качестве исследуемой дискурсивной практики избран неформальный студенческий дискурс, репрезентированный в граффити. Одним из наиболее интересных объектов мира действительности в данном дискурсе выступает мужчина, концептуальная значимость которого для исследуемого социотворчества подтверждается результатами статистической обработки более 2000 граффити, зафиксированных на «вузовской» территории. Как показал статистический анализ, 5% дискурсивных текстов (дискурсивов) включают 55 номинаций мужчины, в том

числе 25 собственных имен, позволяющих рассматривать данную лексическую парадигму в качестве одной из ключевых в описываемом дискурсе. Данное исследование мы ограничиваем рассмотрением номинаций мужчины, представленных нарицательными существительными. К ним относятся зафиксированные родовые номинации *мужик, мужчина, дядька* (в значении ‘взрослый мужчина вообще’) и видовые номинации, представляющие собой разноаспектно дифференцированные лексемы-репрезентанты мужчины, *глупец, голубой* (сущ.), *дед, дедушка, друг (друзья), дудак, дурак, дурачина, баран, кабан, квазимодо, лох (лохи), милый* (сущ.), *мудак, мудрец, отец, папа, производитель, рыбак, старик, старшина, товарищ* и др. По нашим наблюдениям, статистика частотности и разнообразия представленных в дискурсе номинаций мужчины уступает аналогичной статистике номинаций женщины в анализируемом дискурсе (о концепте «женщина» в неформальном студенческом дискурсе см. [6]).

Рассмотрение избранной лексической парадигмы нацелено на описание компонентов, составляющих социумно специфичное поле концепта «мужчина» и воплощающих наиболее интересные для конкретного социума знания об определенном

предмете действительности. Таким образом, предмет исследования составляет концептосфера слова-концепта «мужчина», представляющая собой набор когнитивных признаков, нашедших отражение в семантической специализации зафиксированных лексем-репрезентантов и связанных с ними актуальных смыслов, демонстрирующих потенциал концепта в субкультуре. Для достижения цели мы обращались к словарным толкованиям зафиксированных названий, отражающим наиболее правильные контексты словоупотребления и традиционные знания о предмете номинации, и к их текстовым реализациям в дискурсе, демонстрирующим социумно специфичную концептуальную информацию.

Идея специфики социумно маркированного речетворчества репрезентируется в современной лингвистике в понятии стиля социотворчества, которому в процессе концептуального моделирования подчиняется процедура вычленения когнитивных признаков анализируемых концептов. Как отмечает ряд ученых [2, с. 61; 3, с. 221; 4; 5, с. 43; 7, с. 475], стилем обладают текст или группа текстов автора или отдельного социума. Трактовки стиля акцентируют внимание на следующих его аспектах: интегрирование и унифицирование средств, влияющие на общий смысл речевого произведения; общий коммуникативный подтекст, результирующий отбор адресанта на всех уровнях структуры сообщения; заранее построенная общая стратегия, не являющаяся частью того, что означают выражения языка; невербальная система коммуникации, накладываемая на вербальную часть сообщения; дополнительная информация, необходимая при исследовании переходов от лексикона к тезаурусу, от тезауруса к мотивам и целям порождения и понимания текстов. Очевидно, что стиль речетворчества должен проявляться в наборе описываемых «предметов», в выбранных языковых средствах их репрезентации, в доминирующем интерпретативном ракурсе и эмоционально-оценочной марки-

рованности представлений о предмете речи, в повторяющихся смыслах и их эквивалентных переключках. Таким образом, функциональная значимость стиля заключается в том, что он формирует общее впечатление от дискурсивного продукта, возникающее при его первичном (неаналитическом) восприятии, стиль определяет ожидаемость и узнаваемость признаков, характерных как для дискурса в целом, так и для когнитивного моделирования отдельных концептов.

Экстраполируя вышеизложенное на анализируемый дискурсивный продукт, в качестве определяющих атрибутов стиля неформального студенческого дискурса, зафиксированного в граффити, мы отмечаем такие его особенности, как креативность и оппозитивность (бравадная асоциальность), доминирующим маркером которых выступает разного рода отклонение от нормы (этической, лингвистической, ментальной и даже ожидаемой в конкретном дискурсе). Данная атрибутика имеет ряд проявлений, к которым можно отнести следующие особенности. Во-первых, детализирование тем и/или языковых средств их репрезентации. Например, бравадно-ироничный стиль репрезентации факта членовредительства и включение названий мужских гениталий в дискурсиве *Снесла курочка старику яичко. Напрочь*. Во-вторых, окказиональный характер речетворчества, нацеленный преимущественно на актуализацию негативно оценочных коннотаций уничижительного свойства. Например, использование окказиональных аффективов, производных от слова «маразм» в значении состояния полного упадка психической и физической деятельности и слова «придурок» в значении глуповатого, умственно ограниченного человека, в дискурсиве *Дед Маразм и придурочка*. Или окказиональная номинация *экономик*, репрезентирующая представление о преподавателе как негативно оцениваемом источнике «неприятностей» для совокупного продуцента речи (*нас*, т. е. студентов) в дискурсиве *Ну а завт-*

ра снова *экономик* и *декан*, *Спрос*, *доходы* — они загонят нас в капкан. Номинация здесь вбирает негативную эмоциональность из контекстного окружения «загонят нас в капкан», ассоциирующегося с прецедентным «загнать в могилу». В-третьих, стремление передать «свою» правду, бравадно противоречащую традиционным ментальным представлениям о действительности. Противоречие может быть эксплицитным и имплицитным, опирающимся на апперцепционную базу (общие фоновые знания) продуцентов и реципиентов. Например, в дискурсивах: *И все-таки место красит человека*; *Каждый мужчина имеет право на лево* — одно из утверждений спродуцировано на противоречии со смыслом известной поговорки «Не место красит человека, а человек — место», другое — противоречит ментальному представлению о единстве и целостности семьи и традиционному осуждению измены. В-четвертых, жанровая специализация дискурсивов, наиболее представленными из которых в дискурсе являются умозаключения или утверждения. Категоричный характер социумно специфического содержания подобных дискурсивов обуславливает их потенциальную диалогичность, рассчитанную на серьезное или несерьезное несогласие реципиента с высказанным мнением. Подтверждением тому служит результат экспериментального опроса, в соответствии с которым примерно половина опрошенных (в опросе участвовали около 70 человек) выразила желание подискутировать со случайно выбранными дискурсивами: *Если правильно бросить мужа, то он обязательно вернется, как бумеранг; Индивидуальность человека несравненно чаще проявляется не в уме, а в характере; Дайте студенту (солдату) точку опоры, и он заснет.*

Учитывая изложенный аспект исследования, мы провели лингвистический анализ лексем-репрезентантов концепта «мужчина» в неформальном студенческом дискурсе. Компонентный анализ семантики слова «мужчина» обнаруживает, что с

данной лексемой в ее основном значении связано представление о лице мужского пола, взрослом, сильном, отличающемся присутствием духа в опасности, душевной стойкостью, смелостью, верностью убеждениям. Предварительный анализ связей лексем-репрезентантов концепта «мужчина» с лексическим составом дискурсивов позволил выделить ряд тематических сфер, наиболее интересных для моделирования социумно специфического содержания концепта и связанных с ним когнитивных признаков. К данным тематическим сферам относятся: 1) мужчина в отношениях со взрослыми людьми: отношение к людям, предмет отношения других людей, 2) мужчина в семейных отношениях, 3) интеллектуальные особенности мужчины, 4) внешние проявления и черты характера мужчины (внешний вид, поведенческие проявления).

1. Дискурсивы, объединенные тематикой «мужчина в отношениях со взрослыми людьми», передают смыслы, связанные с отображением межличностных отношений «мужчина — мужчина» и «мужчина — женщина».

1.1. Текстовая парадигма, репрезентирующая отношения «мужчина — мужчина», посвящена в основном теме мужской дружбы или конкуренции, о чем свидетельствует лексическая парадигма номинаций мужчины, включающая слова: *друг (друзья), товарищ*, а также слово *рыбак*. Особенность употребления слова *рыбак* заключается в его использовании для обозначения человека, занимающегося одновидовой деятельностью с другим человеком, в связи с чем возникают отношения конкуренции.

В анализируемом материале зафиксированы как традиционные, так и социумно специфические признаки концепта. Примером соответствия традиционным позитивным представлениям о мужчине, результирующим компонентный анализ лексемы (см. выше), выступает ряд дискурсивов, реализующих следующие признаки концепта: «бескорыстный в дружбе (на контра-

сте с корыстной дружбой) – в дискурсиве: *Не надо иметь друзей – с друзьями надо дружить*; ‘презирающий недругов (врагов, конкурентов)’ – в дискурсиве: *Не имей сто друзей, а имей всех врагов*; *Рыбак рыбака не навидит издали (наверняка)*; ‘сочувствующий другу, попавшему в беду’ – в дискурсиве *Потерпи, друг, осталось немного*; ‘ценящий мужскую дружбу (на контрасте с женской дружбой или коммерческими отношениями)’ – в дискурсиве: *Старый друг лучше двух подруг*; *Старый друг лучше новых русских двух*.

В условиях анализируемого социотворчества естественно предполагать фокусный характер реализации социумно специфичных когнитивных признаков исследуемого концепта. Фокусный характер реализации достигается благодаря таким приемам, как, во-первых, обновление прецедентных текстов, эксплуатирующее структурное, ритмическое, фонетическое, смысловое контрастирование с ними. Во-вторых, нелогичное включение лексем в однородные ряды, абсурдизирующее смыслы дискурсивов, создающее смеховой стиль их репрезентации и тем самым влияющее на признаки концепта. Так, в дискурсивах: *Сам погибай, а товарища замочи!!!*; *Не зная брода, пропусти друга* – в соответствии с лексическими и смысловыми преобразованиями номинации *друг, товарищ* реализуют семантику «тот, кого друг хочет убить» и «тот, кого друг в случае опасности отправляет первым». Данная контекстно обусловленная семантика актуализирует такие когнитивные признаки концепта «мужчина», как «завистливый, не терпящий удачи друга, способный погубить друга» и «выгодливый, корыстный, не способный на самопожертвование». Актуализацию признака «выгодливый, корыстный» отмечаем также в дискурсивах: *Очкарик очкарику – друг, товарищ и запасные очки*; *Папуас папуасу друг, товарищ и корм*.

Итак, обобщение контекстов, в которых зафиксированы номинации мужчины *друг, товарищ, рыбак*, позволяет выявить инте-

ресные для дискурса свойства концепта. К ним относятся как позитивно маркированные признаки «ценящий мужскую дружбу», «верный прежним отношениям», «бескорыстный в дружбе», «смелый, презирающий недругов (врагов, конкурентов)», «добрый, сочувствующий другу, попавшему в беду», так и негативные признаки «завистливый, не терпящий удачи друга, способный погубить друга», «выгодливый, корыстный, не способный на самопожертвование».

1.2. Текстовая парадигма, репрезентирующая отношения «мужчина – женщина», включает лексическую парадигму номинаций мужчины, представленную словами: *мужчина, дядька, производитель, кабан, козел*. Особенностью большинства данных дискурсивов выступает обычно соседство номинаций мужчины с номинациями женщины либо имплицитное присутствие значение женщины в пресуппозиции текста, влияющее на специфику вычленяемых признаков исследуемого концепта «мужчина». Примерами соседствующих эксплицированных номинаций мужчины и женщины выступают лексические пары: *мужчина – женщина, девки – производитель, свинья – кабан, телка – дядька* в дискурсивах *Женщины любят ушами, а мужчины – где придется*; *То, чего хочет женщина, мужчине не по карману*; *То, что женщине по душе, мужчине часто не по карману*; *Не ходите, девки, замуж за иностранцев, поддержите отечественного производителя*; *Каждой свинье свой кабан*; *Ласковая телка двух дядек сосет*. Имплицитную пару *козел – женщина* наблюдаем в дискурсиве *Любовь зла, но не так, как на это надеется козел*. Энергетика развертывания исследуемого концепта в приведенных дискурсивах обусловлена подчеркнuto противоположным характером представленных в них желаний, возможностей, поведенческих проявлений и оценки мужчины и женщины по отношению друг к другу. Подобная внутритекстовая контрастивность содержаний проявляется в вариативных интерпретациях как

самых дискурсивов, так и исследуемого концепта. Признаки последнего могут различаться маркированностью в зависимости от доминирующего интерпретативного угла зрения: иронично-уничижительная, отражающая преимущественно женский взгляд, и снисходительно игривая, отражающая преимущественно мужской взгляд. Например, в дискурсивах: *То, чего хочет женщина, мужчине не по карману; То, что женщине по душе, мужчине часто не по карману* — актуальным признаком концепта «мужчина» выступает признак «не способный материально обеспечить женщину», однако в одном интерпретативном варианте он дополняется негативно маркированным признаком «слабый, безынициативный» (отрицательная оценочность предмета номинации), в другом — позитивно маркированным признаком «не способный, несмотря на усилия, удовлетворить женскую алчность, вызывающий сочувствие». В дискурсиве *Женщины любят ушами, а мужчины — где придется* актуальным признаком концепта «мужчина» выступает признак «сексуально озабоченный, желающий секса», однако в одном интерпретативном варианте данный признак конкретизируется иронично маркированным признаком «незвизирующий на условия, неразборчивый», в другом — псевдопозитивным признаком «целеустремленный». В дискурсиве *Не ходите, девки, замуж за иностранцев, поддерживайте отечественного производителя* актуальным признаком концепта выступает табуированный для публичной презентации уничижительно маркированный признак «используемый, подобно животному, в качестве источника семенного материала» и контекстно обусловленный патриотически маркированный признак «русский, лучше иностранца». В дискурсиве *Каждой свинье свой кабан* актуальным признаком концепта, представленного зоонимной номинацией, выступает признак «единственный для единственной», дополняемый в силу специфики номинации признаком «подобный животному». В дискурсиве *Ласковая телка*

двух дядек сосет актуальными признаками концепта выступают одновременно ассоциируемые скабрёзно маркированные признаки «неединственный сексуальный партнер женщины, возможно обманутый, рогоносец» и «участвующий в групповом сексе». И наконец, в дискурсиве *Любовь зла, но не так, как на это надеется козел* безусловно актуальными признаками концепта выступают признаки «самоуверенный в отношениях с женщинами» и откровенно уничижительный признак «наказанный за самоуверенность».

Как свидетельствует материал, функционирование различных номинаций мужчины в дискурсивах, объединенных тематической сферой «мужчина в отношениях со взрослыми людьми», характеризуется одновременным выражением как различных актуальных признаков концепта «мужчина», так и их различной маркированностью. С лексемами *мужчина, дядька, производитель, кабан, козел* в приведенных дискурсивах связан ряд позитивно и негативно маркированных признаков концепта «мужчина», актуальных для данного дискурса. К первым относятся признаки «верный убеждениям, прежним отношениям», «смелый, не боящийся соперников», «душевно стойкий, добрый», «русский, лучше иностранца», «единственный для единственной», «стремящийся материально обеспечить женщину». Ко вторым — признаки «злобный, завистливый», «выгодливый, корыстный», «не способный материально обеспечить женщину», «слабый, безынициативный», «сексуально озабоченный, неразборчивый», «используемый подобно животному в качестве источника семенного материала», «неединственный сексуальный партнер женщины, возможно обманутый», «участвующий в групповом сексе», «самоуверенный в отношениях с женщинами», «наказанный за самоуверенность». Безусловно доминирующими здесь являются негативно и/или иронично маркированные признаки концепта «мужчина». Отвечая общему стилю описываемого со-

циотворчества, данные признаки находят-ся в прагматическом фокусе продуцирова-ния и восприятия дискурсивов.

2. Дискурсивы, объединенные темати-кой «мужчина в семейных отношениях», включают наиболее разнообразную в ана-лизируемом материале лексическую пара-дигму номинаций мужчины. Парадигма представлена двумя частями, одна из кото-рых объединена признаком «статус внутри семьи» (сюда входят слова: *муж, отец, папа, сын, брат, дед, дедушка*, а также *ма-лыш, мальчик* в значении «сын», «малень-кий ребенок мужского пола»), другая отли-чается признаком «статус вне семьи» и еди-нично репрезентирована словом *любовник*.

Наиболее актуальными темами, с пере-дачей которых связано функционирование названных номинаций в дискурсе, по на-шим наблюдениям, выступают тема отцов-ства, отцовского авторитета в семье (наи-более востребованные номинации *муж, сын*) и тема прочности семейных отноше-ний, супружеской верности / неверности (наиболее востребованные номинации *муж, любовник*).

2.1. Тематика отцовского авторитета в дискурсивах связана с номинациями *папа, отец, сын*, специфика реализации которых обусловлена совмещением благородного и скабрёзного звучания дискурсивов, обез-печенного фактуальным, концептуальным и подтекстовым видами содержательной информации [1, с. 103]. В текстах: *Не учи отца и баста!*; *Крошка сын к отцу пришел и сказала кроха — «п*ся в п*сю хорошо, п*ся в п*пу плохо»* — номинации *отец* и *сын* сим-волизируют отношения непререкаемого подчинения, уважения между ребенком и отцом. Однако прагматический эффект дискурсивов, безусловно, концентрирует-ся вокруг вульгарно маркированной лекси-ки (*п*ся, п*па*) и лексики, фонетически схожей, ассоциирующейся с вульгарной (*и баста*). Включение в дискурсив подобной лексики в качестве псевдонормативного атрибута общения отца и ребенка (в нашем сознании — воспитателя и воспитуемого)

призвано передать противоречие с пред-ставлением о нормативном (с точки зрения этики, психологии, педагогики) информа-ционном обмене отца и ребенка. В резуль-тате вычленяемые признаки концепта «мужчина» могут быть определены как «отец, воспитывающий детей в вульгарном стиле» и «ребенок (сын), не по-детски мно-го знающий об интимной стороне жизни взрослых».

Смысловой анализ ряда дискурсивов в связи с номинациями *папа, отец* позволя-ет также вычленить еще один актуальный признак анализируемого концепта — «име-ющий многочисленные сексуальные отно-шения, не несущий ответственности за рождение и воспитание ребенка». Напри-мер, дискурсивы: *Жизнь нужно прожить так, чтобы каждый ребенок мог сказать тебе «папа»*; *Водка «Жириновский» срывает крышу с первой рюмки, после второй рвешь-ся в Ирак, а после третьей идешь в юриди-ческую фирму искать своего папу*; *Кто последний, тот и папа!*; *Стать отцом совсем легко. Быть отцом совсем не хочется*. В при-веденных дискурсивах репрезентация от-меченных признаков концепта соотносит-ся, с одной стороны, с актуальностью для общества в целом и конкретного социума, в частности, такой значимой проблемы, как безответственность родителей, порожда-ющая массовую безотцовщину, с другой — с характерным для дискурса ироничным, скабрёжным стилем репрезентации.

2.2. В дискурсивах, объединенных тема-тикой прочности семейных отношений, супружеской верности / неверности, наи-более востребованным является слово *муж*, а также слово *студент* с актуализованной дифференциальной семантикой «муж». Как свидетельствуют наблюдения, особен-ностью большинства таких текстов являет-ся наличие в них нескольких ситуативных линий, развертывание которых может иметь как причинно-следственный харак-тер (единичные случаи), так и параллель-ные (актуальные и фоновые) реализации (более частотные случаи). Примером

причинно-следственных ситуативных отношений служит дискурсив *Если муж не идет к жене, то жена идет к Магомеду*, в котором в условиях передачи основного текстового смысла с номинацией *муж* связывается актуальный признак концепта «муж, не выполняющий супружеских обязанностей».

В дискурсивах, характерным для которых выступают параллельные (актуальные и фоновые) реализации нескольких ситуативных линий, номинации мужчины участвуют в репрезентации одной или нескольких из них. Так, в дискурсиве *Правоохранительные органы, как и мужья, обо всем узнают последними* на фоне основного смысла неоперативности современных правоохранительных органов концепт «мужчина» приобретает признак «мужчина, обманутый женой». В дискурсиве: *Все может в жизни приключиться: С женою может муж проститься, Девчонка может разлюбить, Но бросить пить — Вот это, брат, не может быть* — на фоне ряда утверждений и репрезентированных ситуаций функционирование номинации *муж* связано с актуализацией когнитивного признака «мужчина, ушедший из семьи, инициатор разрыва». В полиситуативном дискурсиве: *Студенту нельзя жениться никогда: Если будет заниматься женой, вырастут хвосты, а если учебой — рога. А если все-таки займется тем и тем, то отбросит копыта* — с номинацией *студент* связывается признак «физически и духовно слабый мужчина».

Наблюдения позволяют резюмировать следующее. В дискурсивах, одной из смысловых линий которых выступает тематика прочности семейных отношений, супружеской верности / неверности, номинации мужчины включаются преимущественно в иронично (нередко скабрезно) маркированные смысловые линии и несут негативную содержательно-подтекстовую информацию, актуализирующую ряд признаков концепта «мужчина»: «физически и духовно слабый», «не выполняющий супруже-

ских обязанностей», «обманутый женой», «ушедший из семьи, инициатор разрыва».

2.3. Ряд дискурсивов демонстрирует специфику функционирования единичных реализаций таких номинаций мужчины, как *мальш, мальчик, брат (братья), дедушка*. Особенности функционирования данных лексем в дискурсе заключаются в следующем. Номинации *мальш* и *мальчик* вне контекста объединены общими семами «возраст», «мужской пол», которые в условиях контекста конкретизированы семьей «член семьи», результирующей семантику «маленький член семьи мужского пола», что позволяет рассматривать данные номинации вместе с другими, объединенными семантикой «семейный статус». Обратные метаморфозы отличают функционирование в дискурсе номинаций *брат (братья), дедушка*, которые вне контекста объединены общим семантическим компонентом «родство», однако в условиях дискурсивного функционирования реализуют неосновные значения, выходя за пределы лексической парадигмы, объединенной семантикой «семейный статус».

По нашим наблюдениям, агентивное функционирование лексем *мальш, мальчик* в дискурсивах: *Карлсон залетел и ждет малыша; От женщины никогда не знаешь, чего ожидать: девочку или мальчика* — является нейтральным (нулевым) с точки зрения выражения социумно специфичных когнитивных признаков концепта «мужчина». Очевидно, что гораздо более значимыми (актуальными, фокусными) здесь выступают признаки «беременный мужчина» (собственная номинация *Карлсон*) и «непредсказуемая, своенравная» (номинация *женщина*). В дискурсиве *Жила-была обыкновенная шведская семья: мама, папа, брат, сестра и Малыш, который хотел собаку* наряду с нейтральным функционированием номинаций *папа, брат* имеет место специфичное функционирование номинации *Малыш*. Субъектная позиция данной номинации в купе с омонимичным употреблением предиката *хотеть* нацелена на выраже-

ние одновременно нейтрального и скабрёзного содержания, основой выражения которого выступает языковая игра с прецедентным текстом. В результате исходный признак «ребенок мужского пола, мечтающий иметь собаку» в дискурсиве контрастирует с социумно специфичным вульгарно маркированным признаком «ребенок мужского пола, желающий сексуального контакта с собакой». Последний признак соотносится с уже выделенными признаками концепта «сексуально озабоченный», который в данном случае дифференцируется «даже в детском возрасте».

Номинации *брат (братья), дедушка*, реализующие в дискурсивах неосновные значения, функционируют либо в роли лексических репрезентантов обращений к лицам мужского пола, либо лексических репрезентантов со значением человеческой общности. Примеры использования номинаций в роли репрезентантов обращений наблюдаем в дискурсивах ... *Вот это, брат, не может быть; – Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? / – Да просто о*уеть, дедушка! Не сугроб, б*ь, а солярий...*; пример репрезентанта со значением человеческой общности – в дискурсиве *Все мы братья не только по крови, но и по другим анализам*. Как видим, подобное функционирование номинаций мужчины является нейтральным с точки зрения вычленения признаков анализируемого концепта. Отметим лишь показательное для дискурса соседство с табуированной лексикой и обращение к «физиологическому» ракурсу репрезентации явлений.

Резюмируя анализ функционирования в дискурсивах номинаций мужчины, объединенных общей семантикой «семейный статус», отметим следующее. Функционирование в неформальном студенческом дискурсе слов: *папа, отец, сын, муж, студент, любовник, малыш, мальчик* – связано с актуализацией ряда социумно специфичных признаков концепта «мужчина»: отец, папа – воспитывающий детей в вульгарном стиле, не отвечающий за рождение и вос-

питание детей, отсутствующий; муж – не выполняющий ‘супружеские обязанности’ и потому обманутый; ушедший из семьи; физически и духовно слабый; любовник – склонный к нетрадиционной сексуальной ориентации, способный на измену; малыш, мальчик – ребенок мужского пола, желающий сексуального контакта с собакой. Очевидна доминирующая негативная маркированность вычленяемых признаков концепта.

Следует отметить объективность разграничения актуального, фокусного функционирования номинаций в основных значениях, с которым связывается передача концептуально-содержательной информации (доминирующий ракурс функционирования номинаций мужчины), и нейтрального функционирования номинаций в основных значениях, не несущего концептуально-содержательной информации (единичные примеры функционирования номинаций мужчины). Важно и то, что для функционирования ряда номинаций (*брат, братья, дедушка*), реализующих неосновные значения, также характерно отсутствие концептуально-содержательной информации.

3. Описание когнитивного признака «интеллектуальные особенности мужчины» мы, естественно, связываем с реализацией в небольшом количестве дискурсивов ряда номинаций мужчины, включающего слова: *глупец, дурак (дураки), дудак, лох (лохи), мудака, мудрец, баран*, а также окказиональную номинацию *Дед Маразм* и номинации *друг, старшина*.

Наиболее частотными в данной текстовой парадигме являются аффективные уничижительно оценочные номинации: *дурак (дураки), дудак, лох (лохи), мудака, баран, Дед Маразм*, общей для которых выступает сема «небольшие интеллектуальные способности». Этот факт свидетельствует о наибольшей актуальности для дискурса отрицательной оценки предмета номинации, в данном случае – человека. В одних дискурсивах для этого используется языко-

вая игра с прецедентными текстами, например: *Дед Маразм и придурочка*; *В России одна беда — дороги строят дураки*; *Круглые дураки в люди не выходят — их выкатывают*; *Дурак дурака видит издалека*; *Не поминайте ЛОХОМ...* . В других дискурсивах лексемы включены в традиционные оценочные граффити типа «кто есть кто»: *Жора — дудак (ауд. Фт-401)*; *Буш — мудак*; *Черня — лох!*; *Коняев — лох*, либо в распространенные их варианты, например: *Паша — лох, залулу тебе на воротник!*; *Вася — лох, обьелся блох, подавился и подох*, либо в оригинальные тексты с претензией на поэтический текст, например: *Аздешних этих мудаков пошлю глотать мочу ослов, Чтоб не писали, где попало, пока головка не отпала*. В дискурсиве *Крепче за шоферку держись, баран*, результирующем языковую игру с прецедентным текстом, зафиксирована зоонимная номинация мужчины *баран*, с опорой на которую происходит актуализация концептуального признака «непрофессионально выполняющий обязанности».

Единичные фиксации номинаций: *друг, старшина* в дискурсивах *Кто говорит без умолку — друг женщины*; *Хорошо смеется тот, кто смеется шуткам старшины* — осмысляются в качестве носителей «интеллектуальных» признаков концепта, которые выявляются с опорой на контекст и фоновые знания продуцентов и реципиентов. В результате с данными номинациями ассоциируются признаки концепта «болтливый» и «отпускающий ‘плоские’ шутки», характеризующие речевую деятельность как проявление деятельности интеллектуальной.

В единичной реализации «интеллектуальный» признак в условиях контекста совмещается со значениями «эмоциональное состояние», «поведенческие проявления», обогащающими данный признак. Так, в дискурсиве: *Мудрец счастлив, довольствуясь малым, а глупцу всего мало; вот почему почти все люди несчастны* — в связи с номинациями *мудрец* и *глупец* связываются комплексные (причинно-следственные)

реализации признаков «умный, рассудительный и счастливый» и «глупый, суетящийся и несчастный».

Учитывая сказанное, подчеркнем, что наиболее актуальными в «интеллектуальной» сфере концепта «мужчина» в исследуемом социотворчестве выступают признаки «неумный», «непрофессионал», «делающий карьеру по благу», «болтливый», «отпускающий ‘плоские’ шутки».

4. Репрезентация когнитивного признака «внешние проявления и черты характера мужчины (внешний вид, поведенческие проявления)» связана в дискурсе с функционированием родовых номинаций *мужчина, мужики* и видовых номинаций *трезвый* (сущ.), *пьяный* (сущ.), *старик, баран, парни, мальчик, голубой*.

4.1. Особенностью функционирования родовых номинаций мужчины является связь обобщающего характера содержания дискурсивов, выражающегося в приписывании каких-либо признаков мужчинам вообще, и контекстно обусловленной дифференциации признаков концепта, характеризующих определенные поведенческие проявления мужчины. Наблюдения над материалом позволяют отметить доминирующий иронично-уничжительный аспект признаков концепта. Так, в ряде дискурсивов: *Не трогай мужчину за живое, особенно утром!*; *Яйца мужчину учат*; *Мужчина в 20 лет — playboy, в 30 — play man, в 40 — play off, в 60 — game over*; *Хорошие мужики на дороге не валяются. Они лежат на диване*; *Путь к желудку мужчины лежит через рот* — наблюдаем актуализацию таких признаков, как «физически и эмоционально зависимый от здоровья (состояния) мужских гениталий», «ленивый, никчемный», «примитивно организованный». Только единичный дискурсив *Бронезилет — лучше для мужчины нет* продемонстрировал уважительный ракурс репрезентации концепта, в соответствии с которым актуализован признак «подверженный опасности, мужественный, заслуживающий уважения».

4.2. Видовые номинации мужчины: *трезвый* (сущ.), *пьяный* (сущ.), *старик*, *парни*, *мальчик*, *карлик*, *голубой* – вне контекста ассоциируются с определенными признаками во внешнем облике, а также в различных поведенческих проявлениях. Так, в дискурсиве *Что у трезвого на уме, то пьяный уже сделал!* с номинациями *трезвый*, *пьяный* связываются мыслительные (думает о чем-л.) и деятельностные (поступает каким-л. образом) проявления, характеризующиеся при этом противопоставленными признаковыми связями «не способный на решительные поступки в трезвом состоянии» и «способный на решительные, скорее, безумные поступки в пьяном состоянии». Данные признаки мы квалифицируются как негативные признаки концепта, противоречащие традиционному представлению о мужчине как трезво мыслящем, сознательно действующем человеке.

Фиксируемые в дискурсивах номинации *старик*, *парни*, *мальчик* имеют общий семантический компонент «возраст», который в зависимости от дифференциации в той или иной лексеме специфично связывается с семами «внешний вид», «поведенческие проявления», «состояние здоровья». Например, в традиционном представлении молодой ассоциируется со здоровым, красивым, активным; старый – с больным, некрасивым, уставшим от окружающего мира. Объективный характер этих признаков в социумно специфичном концепте приобретает преимущественно негативную или скабрёзную маркированность, характерную в целом для данного социотворчества. Так, в дискурсиве *Ты вспомни этих молодых парней, Что косят под крутых...* в связи с лексемой *парни* и жаргонным предикатом «косить под крутых» актуализуется когнитивный признак «неестественное, бравадное поведение молодых мужчин». В большинстве же дискурсивов наблюдаем обращение к низовой тематике: гениталиям, отправлению естественных надобностей, сексуальной ориентации. Например, в дискурсиве *Снесла курочка старика яич-*

ко. Напрочь, результирующем языковую игру с прецедентным текстом детской сказки, с лексемой *старик* связывается скабрёзный признак концепта «немолодой мужчина, лишившийся гениталий». В дискурсиве *Скульптурная группа: Геракл, разрывающий пасть писающему мальчику* благодаря атрибуту *писающий* при лексеме *мальчик* актуальным для концепта оказывается признак «ребенок мужского пола, отправляющий естественные надобности». В дискурсивах: *Если ты не голубой – нарисуй вагон другой; Голубой бежит – вагон качается* – в связи с лексемой *голубой* актуализуется признак «мужчина нетрадиционной сексуальной ориентации».

На основе анализа дискурсивного функционирования номинаций мужчины, связанных с актуализацией когнитивных признаков «черты характера и поведенческие проявления мужчины», мы отмечаем ряд наиболее интересных для социума признаков. Во-первых, признаки, связанные со сферой «низа»: «физически и эмоционально зависимый от здоровья (состояния) своих гениталий», «лишившийся гениталий», «отправляющий естественные надобности», «нетрадиционной сексуальной ориентации». Во-вторых, признаки, связанные со сферой социальных проявлений: «ленивый, никчемный», «не способный на решительные поступки в трезвом состоянии» / «способный на решительные поступки в пьяном состоянии», «неестественно, бравадно ведущий себя». И наконец, единичная фиксация оценочного признака «со стороны» – «проявляющий примитивную организацию». Как было показано, позитивное наполнение концепта в данной его части является чрезвычайно редким.

Резюмируя проведенный выше анализ, подчеркнем роль номинаций мужчины в формировании когнитивных признаков социумно специфичного концепта «мужчина» в неформальном студенческом дискурсе.

Разнообразие названий мужчины демонстрирует актуальность исследуемого концепта для студенческого социотворче-

ства. По статистике, в дискурсивах использовано 30 родовидовых номинаций, включая единичные зоонимные употребления. Разнообразие связано также с тематической полисферностью функционирования данных номинаций. В ходе анализа было выявлено, что наиболее интересными для моделирования социумно специфического содержания концепта выступает ряд тематических сфер, к которым относятся следующие: «мужчина в отношениях со взрослыми людьми: отношение к людям, предмет отношения других людей», «мужчина в семейных отношениях», «интеллектуальные особенности мужчины», «внешние проявления и черты характера мужчины (внешний вид, поведенческие проявления)». Наблюдения свидетельствуют о креативности данного социотворчества, проявляющейся в доминирующей ракурсности и маркированности признаков исследуемого концепта, репрезентированных с помощью различных лексем. Креатив результирует собой редукцию традиционных представлений о таких мужских качествах, как презрение к врагам (конкурентам), бесстрашие, способность ценить мужскую дружбу, мужественность, подверженность опасности, ум, достойное поведение, любовь к единственной женщине. В большинстве дискурсивов редуцированные представления о мужских качествах имеют иронично-уничжительный стиль репрезентации. Преимущественно актуальными для исследуемого концепта выступает социумно специфичный смысловой маркер «отступление от нормы (этической, лингвистической, ментальной и даже ожидаемой в самом дискурсе)», объединяющий вычленимые когнитивные признаки. К последним относятся такие, как «употребляющий спиртные напитки», «решительный в состоянии опьянения», «характеризующийся неестественным, бравадным поведением», «глупый и непрофессиональный», «придерживающийся нетрадиционной сексуальной ориентации», «не способный на дружбу», «отличающийся прими-

тивной организацией, руководствующийся преимущественно естественными, физиологическими потребностями (желанием есть, сексуальным желанием)». Существенным в социумно специфичном моделировании концепта выступает обращенность к табуированным «физиологическим» смыслам (состояние «мужского» здоровья, отправление естественных надобностей). В единичных случаях анализируемые номинации связаны с репрезентацией традиционных представлений о мужских проявлениях, однако специфика данных репрезентаций заключается в оппозитивном характере их реализаций, например противопоставленность мужской дружбы дружбе женской или «коммерческой», основанной на финансовых отношениях (бизнес-отношения во всем как признак времени).

Существенным в функционировании номинаций мужчины в дискурсе является и то, что, наряду с доминирующими уничтожительными интерпретациями признаков концепта «мужчина», многие дискурсивы демонстрируют социальное звучание репрезентированного содержания, отражающее видение членами социума происходящей в общем сознании редукции привычных представлений об определенных предметах действительности. Анализ функционирования номинаций мужчины в дискурсивах свидетельствует о том, что наибольший интерес для данного социотворчества представляют «немужские» проявления мужчин, имеющие фокусный характер репрезентаций. Так, характерным для дискурсивов является приписывание мужчине таких качеств, как выгодливость и корыстность; несостоятельность (интеллектуальная, финансовая, сексуальная) и лень; заикленность на сфере интимных отношений, ассоциирующаяся с животными проявлениями, примитивной организацией, зависимостью физического и эмоционального состояния от состояния «мужского» здоровья; безответственное отношение к семье, к детям (в связи с этим непрочность семейных отношений, вуль-

гарное воспитание и безотцовщина среди детей). Актуализация подобных признаков концепта в неформальном виде общения, предполагающем преимущественно языковую игру, зубоскальство, свидетельству-

ет о статусе социума-продюцента как развитого социума, за чьим неформальным творчеством кроется видение актуальных человеческих проблем в современном мире и неравнодушное к ним отношение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
2. *Гаузенблас К.* О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 57–78.
3. *Долинин К. А.* Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
4. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
5. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
6. *Ларионова А. Ю.* Концепт «женщина» в студенческих граффити // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2007. – Т. 1. – С. 375–383.
7. *Петров В. В.* Философия, семантика, прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 471–476.